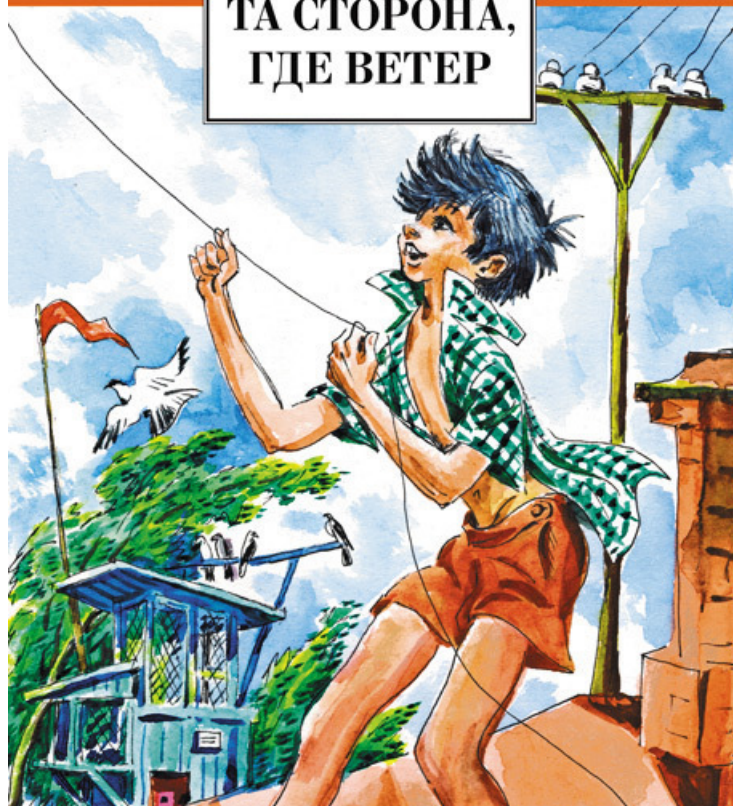

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Владислав Крапивин

**ТА СТОРОНА,
ГДЕ ВЕТЕР**

Владислав Петрович Крапивин
Та сторона, где ветер
Серия «Школьная библиотека
(Детская литература)»

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8631848

Та сторона, где ветер [вступ. ст. Н. З. Соломко]: Дет. лит.; Москва;

2014

ISBN 978-5-08-005194-4

Аннотация

В жизни каждого человека случается беда. И порой кажется, что справиться с ней совершенно невозможно. Но несчастье отступает, если рядом оказывается настоящий друг, который разделит с тобой твою боль, поможет выстоять, не сломаться.

Это повесть о мальчишках с верными и смелыми сердцами, о настоящей дружбе, о том, как научиться любить и понимать друг друга, сопереживать и вовремя приходить на помощь.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Владислав Крапивин: его жизнь и книги	6
Август	22
Часть первая	24
Глава первая	28
Глава вторая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	47

**Владислав
Петрович Крапивин
Та сторона, где ветер
*Повесть***

B. Kpamanda

Владислав Крапивин: его жизнь и книги

Многие совершенно взрослые (и даже уже пожилые) люди говорят: «Я вырос на книгах Крапивина». Владислав Крапивин – один из самых знаменитых и читаемых детских писателей современной России. Он написал столько книг, что и сам не может точно их сосчитать. Говорит: примерно триста. Тут и сказочные истории для малышей, и фантастические – о мальчишках, которым открыты пути по всем мирам огромной Вселенной, и повести о мире, в котором мы проживаем без всякой фантастики, – о детских бедах, победах, верной дружбе. В общем, книг, которые написал Крапивин, хватит тебе, читатель, на все детство, отрочество, юность. Да еще и на взрослую жизнь кое-что останется. Во всяком случае, уже третье поколение мальчишек и девчонок зачитывается эти книги до дыр, а некоторые умудряются вырасти, стать дяденьками и тетеньками, но все равно продолжают их читать и перечитывать...

В Интернете у писателя есть свой сайт, на котором его читатели и почитатели задают ему вопросы о его жизни и творчестве: о детстве, любимых книгах, о том, как он начал писать. Ну, а если у тебя нет компьютера и Интернета, мы тебе сейчас все расскажем.

Итак, знакомство начинается.

Старый тополь

Владислав Крапивин родился в 1938 году в Тюмени. Это случилось 14 октября. Рядом с роддомом стояла Знаменская церковь, и там с утра звонили колокола, потому что в этот день был праздник Покрова, который на Руси считали началом зимы. И, как положено, в тот день выпал первый снег...

Мама и папа писателя были учителями. Они жили на улице Герцена, в доме номер 59. Улица, хоть и в центре города, была немощеная, с теплой пылью на дороге. И, играя в войну, мальчишки любили набрать эту пыль в пустую консервную банку и запулить вверх – это была такая пыльная бомба. Играли они в футбол, в попа-гонялу, в сыщики-разбойники... Ты, читатель, наверно, о таких играх и не слыхал! Ну, кроме футбола, конечно. А рядом с домом были запутанные переулки, заросшие дворы, сараи и таинственный овраг – целый мир, а в самом центре этого мира, посреди двора, стоял огромный тополь, всеми очень любимый. На него, конечно, лазали – кто выше. Под ним собирались, когда долгий летний день кончался. Сидели в траве, разговоры разговаривали, смотрели в теплое темное небо, где светили звезды. Вот там и вырос писатель Крапивин, там была его родина и его друзья...

Теперь на этом месте стоит огромное современное здание

городской управы, и нет уже ни тополя, ни дома, ни двора. Старый дом снесли, а тополь спилили... Так бы они и забылись, потерялись в прошедшем времени. Но – вы помните? – один из мальчишек стал писателем и этот давно ушедший мир с тополем в центре сохранил. Потом этот тополь, заросшие лопухами переулки, друзья-мальчишки возникнут во многих книгах Крапивина, ведь когда писатель работает над книгой (даже фантастической), он сочиняет многое. Но не всё. Конечно, писателю необходимо уметь фантазировать. Но что-то он берет из своей памяти. И тогда среди сочиненного мира возникают старые улочки из детства, события, которые когда-то произошли на самом деле, и люди, которых писатель любил. А также и те, которых он не любил. Потому что книги пишут не умом, а сердцем. Из этого не следует делать вывод, что писатели – люди глупые. Просто ум многого не умеет. Вот в науке без него никуда. А написать книжку ему слабо, ведь ум не умеет ни грустить, ни радоваться: он бесчувственный. А что это за книжка будет, где все ясно и правильно, как дважды два?

Вместо детского сада

Хорошо, когда ты маленький и мама всегда рядом. Но не каждому так везет. Обычно, когда ребенку исполняется три года, его отправляют в детский сад. Многие при этом плачут, не хотят туда ходить. Но порой в жизни малыша бывают беды

и покруче.

Вот тебе, читатель, простая задачка: если мальчик Славик родился 14 октября 1938 года, то сколько ему было 22 июня 1941 года?

Сосчитал, но не понимаешь, при чем тут 22 июня?

А при том, что в этот день началась большая война. Великая Отечественная, про которую ты читал в учебнике по истории. Причем, наверное, без особого интереса. Гитлер? Фашисты? Кровопролитные бои? Какое мне до этого дело! Ведь это было так давно, что будто и не было никакой войны. Так думают сейчас многие. Но она была – на самом деле. Отец писателя ушел на фронт, воевать. Город Тюмень был в глубоком тылу. Это значит, что по его улицам не расхаживали фашисты с автоматами, никого не расстреливали, не вешали. И даже бомбежек не было. Но мама Славика, как и все оставшиеся в тылу женщины, работала с утра до ночи. А малыш Славик целые дни сидел дома один и хотел есть. Но продукты нужны были фронту, солдат надо было кормить. А в тылу голодали. Еды было мало, и ее нельзя было купить, она выдавалась по карточкам. Четвертинка хлеба на день, а если повезет – немного крупы и селедка. Так что в детстве будущему писателю есть хотелось всегда. С утра до вечера, в любое время года. Лишь летом было полегче – светило солнце, росла трава, тополь шумел листьями и можно гулять. Но лето не бесконечно, рано или поздно оно кончалось, за ним приходила осень, а потом зима.

Если ты, читатель, не слишком прилежно изучал географию и не можешь сразу найти на карте город Тюмень, то все равно, наверное, догадываешься, что он находится не в Африке. Подсказываем: Тюмень – в Сибири, где зима холодная и длинная. Вот зимой было совсем тяжко. К голоду добавлялся холод, а печку топить было нечем. Четыре долгие военные зимы дошколенок Славик просидел дома. Один. Темнело рано. Он сидел в темноте и ждал маму. Когда ждать становилось невозможно, забирался под стол и плакал. Вот такое военное детство.

Весной 1945 года война кончилась. Славику шел седьмой год. Осенью он пошел в школу.

Ох уж эта школа!

На вопрос: «Как вы учились в школе?» – писатель честно отвечает: «Всяко». Например, в девятом классе остался на второй год. Из-за одной очень вредной учительницы, которая будущему писателю все время ставила двойки. Причем как раз по русскому языку и литературе.

И вообще, идти в школу он не хотел и в первом классе очень скучал. Он уже давно умел читать и писать и не понимал, зачем его заставляют читать по слогам, писать какие-то палочки и делать прочие глупости...

Школа была маленькая, полутораэтажная. Номер 19. И хотя война уже кончилась, жизнь по-прежнему была бедна:

зимой в школе часто не было дров, и стояла такая холодина, что в чернильницах-непроливашках замерзали чернила. На уроках ученики сидели в пальто. Славику хотелось, чтоб скорей кончились занятия и пойти домой. Там холод отступал, там ждали его улица Герцена, друзья, игры...

Однажды, уже во втором классе, Крапивин прогулял уроки, а дома сказал, что в школе из-за ремонта отменили занятия. Но взрослые быстро разоблачили прогульщика. Взрослых было трое: мама писателя, тетя писателя и его дядя. Все трое сидели на кухне и пили чай.

Мама сказала только: «Как складно врет»! Зато тетя сердито предупредила племянника, что он плохо кончит: из такого вруна наверняка вырастет уголовник.

А дядя засмеялся: «Почему уголовник? Из некоторых врунов со временем выросли неплохие писатели».

Надо ли говорить, кто оказался прав?

Игры и забавы

Между прочим, в ту пору не было скейтов, роликов, игровых приставок и компьютеров. Даже телевизоров не было, можешь себе представить! Так что прийти из школы, забросить диск в дивидюк и посмотреть любимый мультик было невозможно. Честно говоря, мультиков тогда не было тоже... «Обалдеть, – скажут некоторые, – это просто какое-то несчастное детство»! И ошибутся. Потому что это послево-

енное детство было самое счастливое. «Но у них же ничего не было!» – удивишься ты, читатель. А мы тебе ответим: кое-что все-таки было! Зимой – лыжи и санки, летом велик – один на весь двор, но им хватало. А еще в любое время года у них были книги. Хотя их тоже было тогда немного и мальчишками приходилось добывать их всеми правдами и неправдами. Вот, допустим, из фантастики, которую сейчас все так любят читать, в те времена были только Александр Беляев, Жюль Верн да Герберт Уэллс, но их было не достать. А уж про «Трех мушкетеров» и «Графа Монте-Кристо» и говорить нечего, это только легенда ходила, что вот есть такие замечательные книжки... Но где их взять, никто не знал. Поэтому класса с шестого мальчишки и девчонки уже с увлечением читали серьезные взрослые книги: Тургенева, Бальзака, Толстого.

«Трех мушкетеров» Крапивин впервые прочитал в седьмом – в детской библиотеке, в читалке. Он приходил туда рано утром, чтобы быть первым, и читал сколько мог. Прочитал за три дня.

А еще у них была верная дружба и свои законы.

Конечно, послевоенные мальчишки отличались от нынешних детей: они были не так ухожены и склонны ко всяким проделкам. Стянуть что-нибудь у взрослого соседа из сарая или залезть в чужой сад за яблочками не считалось грехом. Но при этом существовал неписанный, но незабываемый кодекс поведения. Ну невозможно было, чтоб несколь-

ко человек били одного! Чтоб сбили с ног и пинали! Драться разрешалось только один на один. Ябедничать, трусить, выдать друга, пообещать что-нибудь при всех и не выполнить – это было немыслимо. Такой человек был обречен на роль отверженного.

Кем быть?

Рано или поздно каждый подрастающий человек начинает об этом задумываться. Жизнь впереди большая, очень важно найти в ней дело по душе. Подросток Крапивин решил стать моряком.

Ну, в Тюмени-то никакого моря не было, но он вычитал о нем в любимых книгах: у Стивенсона, Жюль Верна, полюбил корабли. Вычитанное из книг и никогда не виданное море (напоминаем, что телевизоров в ту пору не было), было ничем не хуже настоящего. Оно тревожило, заставляло мечтать о дальних плаваниях. Он решил, закончив школу, поступить в мореходку. Но вскоре выяснилось, что ни военный, ни торговый флот ему не светит. Врачи сказали, что у него «дохлое здоровье». А какое здоровье могло быть у парня, недоедавшего все детство?

Тогда мама предложила: «Иди по семейной линии – в педагогический». Он подумал и согласился. Но, наглядевшись, как старшая сестра Людмила сидит все вечера над тетрадками, он решил выбрать такой предмет, где их не надо прове-

рять. Например, немецкий язык. Однако в Тюменском пединституте в том году на факультет иностранных языков почему-то не было набора. «Да и бог с ним, с немецким языком этим! – легко решил выпускник Крапивин. – Пойду в журналисты». Ему не хотелось уезжать из Тюмени, от мамы, но здесь не было университета. Поэтому бывший второкурсник собрал чемодан и отправился из Сибири на Урал, в соседний большой город Свердловск, где университет был. К тому же там уже несколько лет жила старшая сестра (ну та, что вечно проверяла тетрадки). Приехал, поступил, закончил университет, стал работать в газете да так и остался в этом городе. Потом туда переехала и мама с младшим братом Олегом.

Как стать писателем?

Это очень просто, дорогой читатель. Надо сидеть и писать рассказы утром, днем, вечером. В том числе и в рабочее время на рабочем месте – вместо журналистских статей. Через год терпение начальства кончится и тебя выгонят с работы. Во всяком случае, Крапивина выгнали. Точнее, перевели. И не куда-нибудь, а в журнал «Уральский следопыт». Там к новому сотруднику, который все время что-то писал, отнеслись вполне доброжелательно и стали печатать его рассказы. Редакция была молодая, дружная, веселая. Часто засиживались допоздна, говорили о литературе. В пору работы в «Уральском следопыте» Крапивин написал свои первые

книжки «Рейс „Ориона“», «Брат, которому семь» и «Палочки для Васькиного барабана» и от рассказов перешел к повестям. А потом журнал «Пионер» напечатал повесть «Та сторона, где ветер», и молодой писатель стал известен на всю страну.

Его книги сразу стали переводить на другие языки, потому что за границами России дети тоже хотели читать о приключениях русских мальчишек и девчонок, их отваге и верной дружбе.

Это были прекрасные и очень честные книги о том, как трудно жить в детстве. О том, что вовсе не все взрослые хорошие люди (плохие тоже встречаются, причем чаще, чем хотелось бы). О том, что даже хорошие взрослые часто не понимают детей, потому что выросли и забыли свое детство... Эти книги были как тайное рукопожатие, они помогали жить.

Думается, не напиши Крапивин ничего, кроме реалистических повестей 60–70 годов прошлого века («Белый щенок ищет хозяина», «Звезды под дождем», «Та сторона, где ветер», «Оруженосец Кашка», «Валькины друзья и паруса», «Тень каравеллы», «Бегство рогатых викингов», «Летчик для Особых Поручений», «Мальчик со шпагой»), он все равно остался бы в *истории* литературы писателем единственным и неповторимым. Но он не хотел оставаться в истории литературы. Ведь история – это то, что прошло. А он жил себе дальше, храня верность своему детству – заросшим тра-

вой переулком, старому тополю и, видимо, не имея в виду не то что стариться, но и взрослеть. В общем, маститым писателем так и не стал.

Знаете, что такое «маститый»? Это такой важный человек, всеми признанный и довольный собой. Когда-то он, допустим, совершил научное открытие или трудовой подвиг. Или написал хорошую книгу. Его стали хвалить, писать про него в газетах, орден дали. И ему это так понравилось, что он потихоньку заленился. Трудовые подвиги совершать перестал, науку забросил, книги стал писать кое-как. А чего стараться, если тебя и так хвалят?

Но известный писатель Крапивин остался мальчишкой. Длинным (под два метра) и вредным. Он ходил в походы с другими мальчишками, снимал с ними кино про пиратов, построил целую парусную флотилию (хотя в Свердловске моря тоже не было) и ходил под парусами. При этом он продолжал писать новые книги, в которых упрямо отстаивал свои детские принципы.

К этому времени его первые читатели выросли. Но оказалось, что и следующим поколениям мальчишек с его книгами не скучно. Пришло время фантастики – Великого Кристалла...

Однако о фантастических романах Владислава Крапивина чуть позже. Издательство «Детская литература» выпустит в «Школьной библиотеке» несколько книг писателя. Будет и фантастика, тогда мы о ней поговорим. А теперь несколько

слов о книге, которую ты, читатель, держишь в руках.

О пользе старых книг

«Та сторона, где ветер» – старая книга, ей уже, поди, лет пятьдесят. Мальчишки той поры давно выросли и даже успели состариться. У них внуки – ваши ровесники. Так что, можно сказать, что это историческая повесть. В ней описан мир, который уже ушел. Ты, читатель, живешь в другом. Но мальчишки во все времена остаются мальчишками, а чудо книги в том и состоит, что, когда ты ее читаешь, время отступает – все происходит здесь и сейчас.

Герои «Той стороны...» живут в городе у большой реки. На реке гудят пароходы. Мальчишки знают их по голосам. Компьютеры, DVD, плееры, мобильники – всего этого нет. Кстати, йогуртов и «сникерсов» нет тоже. А вот телевизоры уже есть – с черно-белым изображением. Но далеко не в каждом доме.

Ну и хорошо. Потому что антенна на крыше мешает запуску воздушного змея-«конверта». А именно этим и занимаются Генка, Яшка Воробей и Шурик. Потому что пришел август, а август – пора ветров. Дошколенок Илька, по прозвищу Гонец, им завидует: у него змея нет. Это сейчас все можно купить в магазине. А в то время никому и в голову бы такое не пришло. Заграничных игрушек в магазинах не было. Да и магазинов было мало. Мир был прост, и в нем все надо было делать своими руками. Тех, кто умел что-то делать хорошо, уважали. Но это не про Яшку: его «Шмель» высоко не взлетал и к тому же время от времени падал.

Каждый день поднимались над городом самодельные «конверты», их было много, и у каждого свои позывные. А выше всех парил Генкин «Кондор». Вот только редко. Потому что хозяин «Кондора» попал в беду и злился на весь мир: лето кончается, он так и не исправил двойку по английскому. Напрасно каждый день ждала его в школе англичанка. Генка прогуливал занятия: все равно все бесполезно. Ну, не понимал он этот английский – и все тут! Ни крутая затрещина отца, ни слезы матери уже не могли ничего изменить. По всему выходило, что он останется в пятом классе на второй год. В общем, в этот август Генке было не до «Кондора», его беда казалась ему очень серьезной, неодолимой и заслоняла весь мир.

... И вдруг в небо поднялся змей без опознавательных знаков. Высоко – выше всех. И не отзывался на приветствия. Видно, его хозяин считал себя очень «крутым» и презирал всех остальных. И Генка решил сбить этот нахальный «конверт»...

Ну, а что из этого вышло и как Генка понял, что есть беды и посерьезнее, вы узнаете, прочитав эту книгу. И может быть, найдете в ней себе друзей, по которым, закрыв последнюю страницу, будете скучать.

Несколько слов на прощание

Город Екатеринбург (бывший Свердловск) – столица Ура-

ла. Это большой красивый город, где писатель Крапивин прожил почти всю жизнь. А несколько лет назад он взял да и вернулся в город детства – свою любимую Тюмень.

Ну конечно, она за эти годы сильно изменилась. Так устроен мир: все в нем меняется, и мы меняемся вместе с ним. А может, это он меняется вместе с нами. Но Крапивин отыскал друзей детства (ведь не все разъехались, кто-то так и прожил всю жизнь в родном городе), а потом они вместе навестили свою первую учительницу. Ей тогда было уже почти сто лет, можете представить! Школьные друзья встречаются друг с другом до сих пор. И оказывается, что время, которое крушит даже камни, не в силах состарить некоторых людей. У этих людей морщины на лице, болит спина, они ходят с палочкой, но в душе так и остались мальчишками. И пишут книги для других мальчишек.

Наталья Соломко

АВГУСТ

Часть первая

С первым ветром проснется коммiас.
А. Грин

Ночью грянул норд-вест. Он ударил так, что несколько шиферных плиток сорвались с крыши и застучали о деревянное крыльцо. Застонали расшатанные ворота. Потом, когда первая волна ветра ушла и он сделался ровнее, Владик

услышал гудение проводов. Они дрожали в потоках воздуха, как басовые струны, и низкий звук их проникал сквозь шум ближних деревьев и беспорядочное, как перестрелка, хлопанье калиток.

Владиду захотелось подняться на чердак и проверить стрелку флюгера. Но он побоялся разбудить отца. Ведь отец обязательно проснется от осторожных Владькиных шагов. Нет, пусть уж спит, он и так лег совсем недавно. Владик еще слышал неостывший запах обуглившейся газеты, которой отец прикрывал лампу, когда сидел над чертежами.

Владик нащупал упавшее на пол одеяло, натянул его до подбородка и стал медленно засыпать под шум тополей и гудение проводов. «Циклон с северо-запада», – подумал он сквозь дремоту. Сейчас он уже и без флюгера знал, с какой стороны пришел ветер.

Темнота, словно стены черной палатки, вздрагивала под ветром. И вот наконец он пробил ее, рассыпав редкие оранжевые искры. Они выросли, превратились в яркие шары с пушистыми лучами и заплясали вокруг Владика, разрывая темноту на клочья. Так всегда начинался самый хороший сон.

Но сейчас в него вмешалось что-то чужое и недоброе.

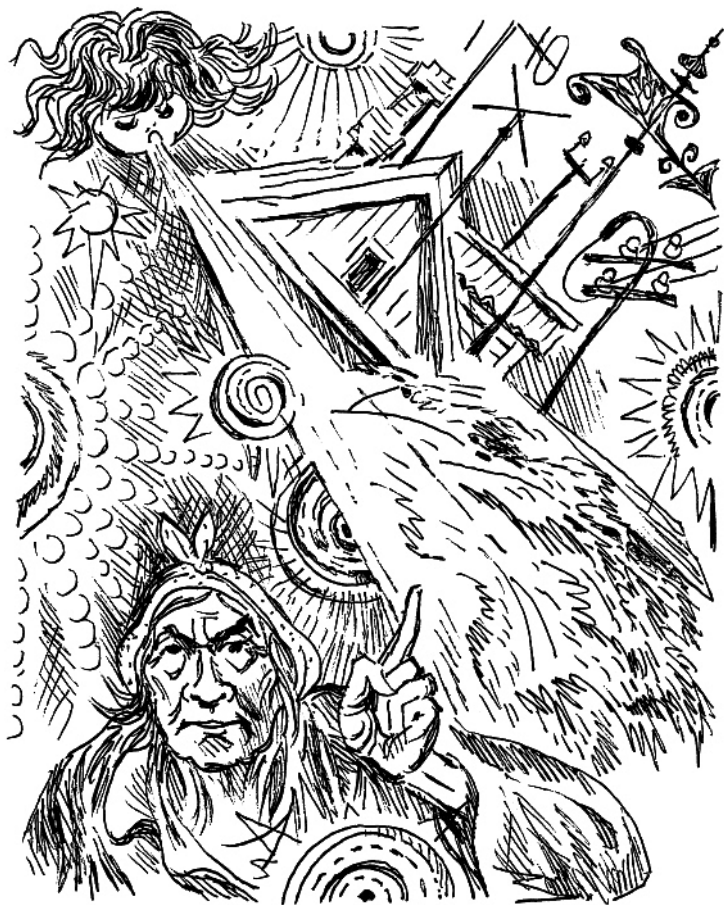
Откуда-то из глубины донесли шаркающие шаги тетки. «Приехала уже! – недовольно подумал Владик. – И когда успела?» Медленно и скрипуче тетка заговорила издалека:

– Продырявил крышу-то. Навтыкал всяких палок. Все не как у людей! У других-то уж, если не дал Господь...

– Чего не дал? – поднимаясь, тихо спросил Владик и почувствовал, как от обиды и злости холодеет лицо.

Тетка замахала руками и стала быстро уменьшаться, словно таять.

– «Господь»... – сквозь зубы сказал Владик.

Но маленькие оранжевые солнца снова закружились пе-

ред ним, сливаясь в яркие полосы, и темнота рассеялась совсем. Владику снилось, что кругом уже день и, как зеленые костры, полыхают на ветру деревья...

Глава первая

О том, что Генка три дня подряд не ходил на занятия по английскому языку, отец узнал случайно, перед самым отъездом. Сгоряча он закатил сыну такую затрещину, что у того даже зачесалось в носу. Генка отскочил в угол, прижался спиной к стене и приготовился крикнуть, что пусть хоть убьют, а толку все равно не будет, потому что...

Но отец слушать не стал. Рванул с вешалки дождевик,

вскинул на плечо рюкзак и шагнул за дверь, сказав на прощание:

– Не перейдешь в шестой – шкуру спушу!

Мать посмотрела на Генку долгим взглядом, вздохнула и пошла провожать отца. Хлопнула дверь.

Генка стер со щеки слезу, пнул табуретку и, сев на подоконник, стал грызть ногти в злом раздумье.

За «шкуру» он не боялся. Отец вернется только в октябре, а тогда уже будет поздно шуметь, если Генка и останется на второй год. А в том, что он останется, Генка был уверен. К этой мысли он привык, и мучило его другое: надо было каждое утро таскаться в школу, где худая и раздражительная «англичанка» Вера Генриховна пыталась вдолбить в голову Генке и еще нескольким неудачникам то, что они не смогли выучить за весь учебный год.

Генка передернул плечами. Он вспомнил гулкие ступени пустых школьных лестниц, перевернутые парты у стен, тяжелые шаги маляров, таскавших стремянки по забрызганным известковыми звездами коридорам, и пыльные окна класса. Класс казался теперь очень большим, потому что в нем осталось только четыре парты – остальные вынесли отремонтировать. Генка сидел там на крайней парте, у стены, и тоскливо слушал, как Вера Генриховна с расстановкой произносит:

– Пора понять: до решающей контрольной осталось не больше трех недель.

Для большей убедительности она слегка нажимала на «р»:

«порра»... «ррешающей контрольной»... «тррех»... Потом она поворачивалась к треснувшей порыжевшей доске и брала мел. Из-под мела сыпался белый порошок. На доске появлялись английские слова. Те слова, которые читались вовсе не так, как были написаны, и которые нельзя выговорить, не вывихнув язык.

Генка разглядывал седоватый узел волос на затылке «англичанки», уныло грыз ручку, и постепенно в него заползала тоска и безнадежность.

Так проходили два часа. Они все-таки кончались, несмотря на свою бесконечность, и Генка выходил на улицу, где в тополях и кленах посвистывал ветер августа. И в листьях плясало солнце. Но день был испорчен, потому что до вечера сидело в Генке это чувство безнадежности, едкое, как запах сырой извести в пустых коридорах...

А ветер шумел и сейчас, качал в палисаднике ветки сирени. Но Генка не радовался ветру. Он сидел и злился на весь белый свет. Злость бывает разная. Иногда рассердишься – и будто сил прибавится, а иногда наоборот: приходит злость беспомощная, такая, что даже кулаки сжать как следует не хватает силенок. Только сидишь и смотришь на все кругом из-под насупленных бровей. И хорошо еще, если есть что накусить. А если вместо бровей – чуть заметные полоски редких рыжеватых волосков? Генка с отвращением глянул в зеркало на дверце облезлого гардероба. Но лица не увидел. В отраженном солнечном окне рисовался только темный Генкин

силуэт: зябко сведенные плечи, круглые, чуть оттопыренные уши, торчащие вверх сосульки волос. Впрочем, Генка и без зеркала отлично помнил свое лицо: скуластое, толстогубое, с широко посаженными глазами, со вздернутым носом и по-ясском желтых веснушек, протянувшимся через переносицу. «Самый подходящий портрет для второгогодника», – подумал он даже со злорадством.

Его злило все: шуршание ветра, хлопанье форточки, дребезжащая музыка приемника. Генка спрыгнул на пол. Со звоном закрыл форточку. Рванул штепсель. С кухни доносилось звяканье тарелок и погромыхивание кастрюль: бабушка мыла посуду. Генка приоткрыл дверь и просунул голову:

– Чем каждой тарелкой греметь, взяла бы лучше всё сразу да об пол!..

– Уехал отец-то, – печально сказала бабушка. – Оставил ирода на погибель нашу. Не будет сладу.

– Не будет, – мрачно согласился Генка.

Вернулся в комнату и снова залез на подоконник. Прямо в ботинках на чисто вымытый подоконник.

Опять заюлила беспокойная мысль: «Что делать, что делать?» Нет, ну, в самом деле, что же делать? Вот были бы такие таблетки, чтобы принять их и сразу уснуть на три недели! Лишь бы не ходить в пустой, пахнувший известкой класс, не слышать унылое поскрипывание мела. Спать и ничего не чувствовать. Даже не жалко августа и ветров. Лишь бы кончилось все скорее! Ну и пусть он будет второгогодник. Второ-

годники разве не люди?

Мать, когда узнает, схватит, конечно, Генку за воротник, закричит и начнет колотить его сухим кулачком по спине. Это не страшно. Хуже, если она не станет колотить, а просто опустит руки и заплачет. Слезы у нее крупные и медленные. Они стекают по тонким морщинкам на щеках, падают с худого подбородка и застревают в зеленых ворсинках потертой шерстяной кофточки. Генка не может смотреть на это... А бабушка обязательно будет стоять рядом и тихо говорить: «Ведь учил отец-то его, нехристь окаянную, старайся ты, будь человеком. Не хочет, лодырь бессовестный!»

Не хочет! Да он просто не может. Ну нет способностей! Вот на музыканта, например, ни одного человека не станут учить, если нет у него совсем таланта. А если нет никакого таланта, чтобы учить английский язык?

«Будь человеком». А разве обязательно знать английский, чтобы стать человеком? «Будь»! А почему «будь»? А сейчас он разве не человек?...

Вдруг знакомый звук перебил невеселые Генкины мысли. Словно неподалеку сыпали на сухие доски горох. Но, конечно, никакого гороха не было. Это мчался куда-то восьмилетний малыш Илька – шелкали по асфальту его сандалии.

Генка усмехнулся. Вспомнил, как недавно Илькина мать вертела в руках сандалию с протертой насквозь подошвой и сокрушалась: «Хоть верьте, хоть нет – за это лето уже третья пара. Просто горят у него на ногах!»

Рядом стояли соседки и сочувственно качали головами: горят. Илька тоже стоял рядом, поджав босую ногу. Он поглядывал на дыру в подошве и безнадежным голосом спрашивал: «Ну можно, буду босиком бегать? Ну можно, мам?» – «Еще чего! Я вот покажу тебе „босиком“! Пропорешь ногу да получишь столбняк...

Чтобы прививку сделать, тебя ведь арканом не затащишь».

Илькина мама была врачом детской поликлиники и разбиралась в таких вещах, как столбняк.

Сейчас Илька, судя по звонкому щелканью, бегал в новых, четвертых по счету, сандалиях. Хватит ли до осени? Кто знает! Не зря у Ильки такое прозвище – Гонец. Если надо что-то передать, куда-то сбегать, Илька мигом! Только попросите. Он готов куда угодно. Хоть за пять кварталов, хоть за десять. Потому что это же здорово – лететь по улицам быстрее всех, и так, чтобы ветер навстречу!

Генка сразу представил: мчится Гонец – мелькают коричневые ноги, как спицы в колесе старой бабушкиной прялки. Короткий Илькин чубчик торчком встает над лбом от встречного ветра. И расстегнутая рубашка-распашонка трепещет за спиной, будто маленький плащ.

Если щелкают Илькины подошвы, значит, что-то случилось, значит, есть какая-то новость!

И вот все ближе: та-та-та-та-та... Истошно завопили у соседней подворотни перепуганные куры. Илька с размаху

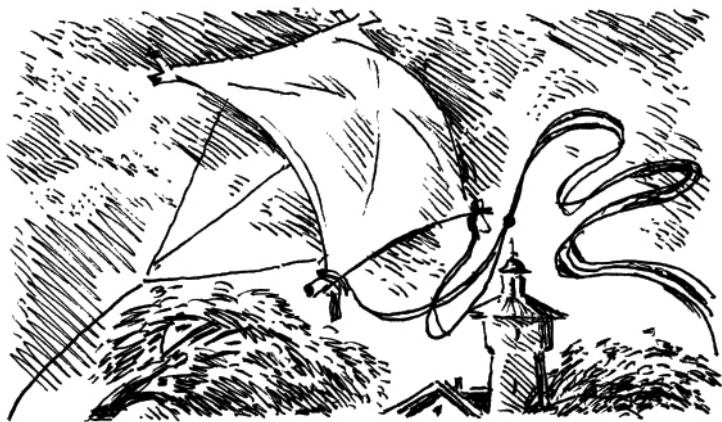
остановился у палисадника. Встал на цыпочки, навалился голым животом на острые рейки. Головой раздвинул ветки.

– Ген... – тяжело дыша, сказал он. Длинные ресницы вздрагивали над его темными встревоженными глазами.

– Ну?

– Гена... Он опять поднялся. Белый...

Глава вторая

Август – месяц ветров. Широкой полосой движутся они с северо-запада, и над городом начинают шуметь старые тополя. Хлопают незапертые калитки, во дворах летит с вере-

вок мокрое белье. А на реке, над трубами буксиров, рвется в клочья черный дым и полощут на мачтах флаги. В синеве, чисто вымытой ветрами, бегут маленькие желтые облака.

А под облаками, вздрагивая в потоках воздуха, стоят разноцветные квадратики воздушных змеев.

... Петька Лимон, который когда-то запустил к самым тучам «Синего демона» и стал первым флагманом змеевиков, теперь уже совсем не Петька, а Петр Лиманов. И живет не на западной окраине, а на другом конце города, в новом заводском поселке, и работает мастером литейного цеха. А «Синий демон» стал легендой. Но каждый год в августе, когда приходят свежие ровные ветры, поднимаются с невысоких крыш Берегового поселка пестрые летуны с мочальными хвостами.

Перечеркнутый крест-накрест тонкими планками змей похож на большой почтовый конверт. Так их и называют – «конверты». Но есть еще у каждого «конверта» свое имя. Лучше всех знает эти имена Илька. Если его поймать на улице, он охотно остановится на полминутки, запрокинет голову и, протянув в небо ладонь, посыплет звучные названия: «Леонардо», «Желтый щит», «Василек» (это уж, конечно, девчонки выдумали), «Битанго», «Восток-203» (это для запаса такая цифрища), «Гагаринец»...

Илька знает их всех. Даже по звуку трещотки может определить, какой змей сейчас у него над головой. Нет, в самом деле может. Можно даже закрыть ему глаза, и пусть кто-ни-

будь неподалеку поднимет свой «конверт» – Илька сразу угадает... Но своего змея у Ильки нет. Есть только мечта. Мечта о большом и легком «конверте», о таком, который при самом слабом ветре уходит из рук в небо, как на крыльях, и не падает никогда...

Бывает, что «конверты» падают. Если змей оборван порывом ветра, это еще полбеды: «конверт» подберут и отдадут хозяину. Хуже, если змей сбили голубятники. Они пираты. Они придумали, что воздушные змеи пугают голубей. И еще придумали закидушки. Это два камня и шпагат. Когда змей в воздухе, нить к нему от крыши тянется не прямо: она провисает и, прежде чем уйти вверх, проходит невысоко над землей. Здесь ее и заарканивают закидушками голубятники.

Прихватив добычу, они мчатся домой и по привычке ждут выкупа. Не дождавшись, они выходят на улицу. Здесь их ловят и колотят. Таков закон.

Ветры и небо сдружили мальчишек-змеевиков. С утра до вечера бегут вверх по ниткам пестрые клочки бумажных «телеграмм». Это хозяева «конвертов» ведут разговор. Нехитрую воздушную азбуку понимают все, даже Илька, хотя и с обыкновенным-то чтением он познакомился всего год назад. А чего тут не понимать? Обыкновенная азбука Морзе: белая «телеграмма» – точка, черная – тире. А разноцветные клочки – это позывные. У каждого свои. У Генкиного «Кондора», например, два зеленых. Так его всегда и вызывают для беседы или для отпора голубятникам.

И есть такое правило: как появится в небе новый змей, он должен дать свои позывные. А как же иначе? Небо одно, и все в нем должны знать друг друга.

Большой белый змей появился вчера. Словно квадратная луна, взошел он из-за тополей на улице Чайковского и поднялся выше всех. Он не дал позывных и не ответил на сигналы.

Шурик Черемховский стоял, прислонившись к забору, грыз сухой стебелек и смотрел вверх. Белый квадратик змея неподвижно висел в зените. Светлая нитка, почти неразличимая в синеве, уходила от него за тополя. Небо сейчас было почти пустым. Пестрые «конверты», словно стесняясь белого незнакомца, потянулись к своим крышам, исчезли. Только над соседним кварталом невысоко маячил голубой «Василек» Надьки Колпаковой да над зеленой крышей Тольки Селькупова трепыхался, пытаясь взлететь, неуклюжий «Погонщик туч».

Белый змей шевельнулся. Было заметно, что он взял еще несколько метров высоты. И снова замер.

– Возможно, он нас не понял, – сказал Шурик, не разжимая зубов, чтобы не выпустить травинку. Стебелек дернулся вверх и вниз, словно стрелка чуткого прибора.

– Чего? – откликнулся с забора Яшка Воробей.

Он сидел на корточках, примостившись на срезе шаткого столба. Сидел и тоже смотрел вверх похожими на темные

блестящие кнопки глазами. Не отрывая глаз от змея, он повторил:

– Чего не понял?

– Сигналов, – сказал Шурик.

– Ха! Все понимают, а он неграмотный, значит? Спросил бы – научили бы...

Шурик пожал плечами и выплюнул стебелек.

Щелканье подошв рассыпалось за углом. И вылетел Илька.

Не сбавляя скорости, словно конькобежец, он описал крутую дугу и, чтобы остановиться, с разбегу уперся ладонями в забор. Доски и столб закачались. Закачался и Яшка, смешно размахивая тонкими руками. Не удержался и прыгнул, отбил пятки об асфальт. Замахнулся острым кулачком на Ильку:

– Козел бешеный! Тормоза не держат, что ли? Как тресну!

Илька ловко присел.

– Оставь его в покое, – сказал Шурик. И спросил у Ильки: – Узнал?

– Про что?

Шурик движением бровей указал вверх:

– Чей он?

Илька заморгал.

– Я не знаю...

– А-а... – разочарованно протянул Шурик. – Я думал, ты узнавать бегал.

– Я еще вчера бегал, – сказал Илька немного виновато. –

Но там, на Якорной, сидят Витька и Серега Ковалевы. А на улице Чехова еще какие-то голубятники. Но они ведь тоже, наверно, знают про катапульту. Им теперь только попадись. Да, Яшка?

– Еще бы! – усмехнулся Воробей, и его треугольное личико даже сделалось круглее.

– А ты при чем? – сказал Ильке Шурик. – Ты в этой истории ведь не участвовал.

– Будут они разбираться! – сказал Воробей.

Илька потоптался, вздохнул и показал на змея:

– Знаете что? Вот, по-моему, он это нарочно, вот и все.

– Кто? – рассеянно спросил Шурик. Он что-то обдумывал и опять жевал травинку.

– Тот, кто его запустил, – объяснил Илька. – Вон он где! Выше всех. Вот он и думает: раз выше – значит, плевать на всех.

Яшка скривил маленький рот:

– Гляди-ка ты, «выше»! У меня «Шмель» еще выше поднимался.

– Ух и врешь! – изумился Илька.

– И кроме того, твой «Шмель» упал, – заметил Шурик.

Яшка понял, что перегнул. Но ни ссориться, ни стукать по шее Ильку не хотелось. Белый «конверт» висел в небе как насмешка над всеми змеевиками.

– Генкин «Кондор» все равно поднимется выше, – твердо заявил Яшка.

– Он может, – согласился Шурик. – Но Генки нет.

Илька открыл рот, но сказать ничего не успел. Сказал Воробей:

– Генка теперь злой. С английским у него дело – гроб.

Увяз.

– А он и не старался выкарабкаться, – спокойно произнес Шурик.

Яшка уставился на него колючими глазами:

– «Не старался»! А ты знаешь? А чего стараться, если все равно бесполезно! Если человек не может!

Шурик согласился:

– Может быть. Я не знаю: я учу немецкий. Он, говорят, легче.

– У разных людей голова по-разному устроена, – задумчиво произнес Яшка. – У одного языки учатся хорошо, а у другого никак. У Галки, у моей сестры, в медицинском институте английский язык да еще латинский, на котором рецепты выписывают. И она хоть бы что. А я в этот латинский заглянул – ну ни капельки не понятно.

Шурик пожал плечами:

– А ты сразу понять хотел? Ты хоть латинские буквы знаешь?

– Знаю. «Рэ» – как «я», только наоборот. «Лэ» – как «гэ» вниз головой. «И» – палка с точкой.

– Сам ты палка с точкой... – вздохнул Шурик.

Яшка снова задрал голову. Белый «конвертик» стоял в

небе не двигаясь.

– Даже не дрогнет, – сказал Илька.

– У Генки все равно лучше, – ответил Яшка и плюнул. – Надо Генку позвать. «Кондора» поднимем, тогда этот беляк сразу...

Что такое это «сразу», Яшка сказать не умел. Но он понимал и другие понимали, что, если «Кондор» поднимется выше беляка, все будет в порядке.

Илька опять хотел сказать, что Генку он уже позвал, но Шурик перебил:

– Про английский с ним не говорите, когда придет.

– Уже пришел, – хмуро откликнулся Генка.

Никто не заметил, как он оказался рядом: все разглядывали белого змея.

– Извини, я не видел, – спокойно сказал Шурик.

Генка поморщился и резко вскинул плечи. Таких людей, как Шурка, он не понимал. Терпеть не мог он, когда кто-нибудь так легко во все стороны раскидывал свои «извините» и «простите». Ему всегда было мучительно неловко за такого человека. Сам Генка в жизни своей никогда не просил прощения. Сколько раз бывало, что стоял он в учительской и завуч Анна Аркадьевна ждала от него всего четыре коротеньких слова: «Простите, больше не буду». Или даже всего одно слово: «Простите». Но он стоял и молчал, потому что легче было ему выдержать сто разных несчастий, чем выдать это слово...

Генка смотрел на змея, плотно сжав губы. Глаза его сузились и колюче блестели.

– Запустим «Кондора»? – осторожно спросил Яшка.

– Еще чего! – не двигаясь, сказал Генка.

– Ген, давай, а? – запрыгал Илька. – Я сбегая за ним.

Генка промолчал.

Илька перестал прыгать.

– Ну а что делать? – спросил Шурик.

– Сбить.

... Они долго ничего не говорили. Сбить змея – это пиратское дело.

– Все-таки... мы же не голубятники, – нерешительно произнес Шурик.

– А я и не знал, что мы не голубятники, – сказал Генка, продолжая смотреть на змея.

Яшка молчал. У него были свои причины, чтобы молчать.

– Он ведь сам виноват, да, Гена? – заговорил Илька. – Ему сигналили, а он не отвечает. Конечно, надо сбить, наверно.

Шурик задумчиво почесал подбородок.

– Вообще, конечно... Раз он не отвечает...

– Как его достанешь? – глядя в сторону, пробормотал Яшка. – Высотища-то...

– А катапульта? – быстро вмешался Илька.

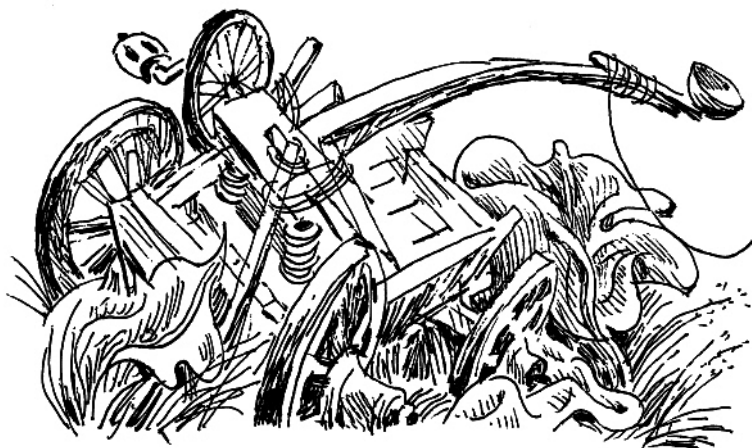
– Помолчи! – цыкнул Яшка.

– Илька правильно говорит, – заступился Генка.

– Так я и знал! – тихо и печально сказал Воробей. – А мне

опять отдуваться, да?

Катапульта недавно отбили у голубятников. Вернее, не отбили, а увели из-под носа.

Это было грозное на вид оружие, слегка похожее на пушку. На колесах от водовозной тележки, с дощатым лафетом, с диванными пружинами и туго закрученными веревками. А вместо ствола торчал гибкий шест с примотанной на конце старой поварешкой. Голубятники полмесяца трудились над страшной машиной и похвалялись, что, когда ее доделают, ни один «конверт» не вернется на землю целым.

Доделать ее они сумели, а выполнить угрозу не смогли. В

семь часов вечера пираты-голубятники спрятали катапульта в огороде у Сереги и Витьки Ковалевых. В девять она исчезла. Как это случилось, до сих пор остается тайной. Только Яшка Воробей знает, да Шурик, да Генка. И еще Володька Савин, капитан «Леонардо», и его дружок Игорь Кан, у которого «Пассат». Кроме того, пожалели малыша Ильку и под большим секретом рассказали эту историю ему.

Услышав этот рассказ, Илька даже стонать начал от хохота и, лежа в траве, так дрыгал ногами, будто ему сразу несколько человек щекотали живот холодными пальцами. А потом вдруг замолчал, сел и посмотрел на всех потемневшими глазами. И сказал, что это совсем предательское дело – так к нему относиться. Все всегда про всё знают, а ему не говорят. Все всегда делают интересные дела, а его не берут. Если думают, что он маленький и ничего не может, тогда пусть сами бегают, если надо кого-нибудь куда-нибудь позвать, или что-нибудь узнать, или принести, или еще что-нибудь. А он бегать не обязан.

Ильку хотели успокоить, но он успокаиваться не стал, а поднялся с травы и пошел прочь.

Только он был не злой человек и скоро перестал обижаться. Да и неинтересно было ссориться, потому что на следующее утро начали испытывать катапульта и предложили Ильке дергать веревку.

Он хорошо дергал, но стреляла катапульта плохо. Не так, как полагалось. Кирпичные обломки летели из привязанной

к шести поварешки не вверх, а низко над землей. Первый врезался в Яшкино крыльцо и оставил на нем оранжевую вмятину. Второй пробил брешь в помидорных кустах. Третий со свистом ушел за забор, и все со страхом ждали, когда там что-нибудь зазвенит или загремит. Но было тихо.

Наконец пришел Шурик, обозвал всех непонятым словом «питекантропы» и занялся катапультой всерьез. Передвинул какую-то палку, покрутил сверху маленькое колесо от детского велосипеда, подумал, покрутил еще и сказал:

– Машина к эксперименту готова.

– Можно стрелять, что ли? – хмуро спросил Генка.

– Да.

Это был первый настоящий выстрел: камень ушел на такую высоту, что сделался как пылинка. Но это был самый несчастный выстрел, потому что камень вернулся. Он упал на старый курятник и пробил фанерную крышу. Кур там не было, но стояли стеклянные банки, которые Яшкина мать берегла для варенья. Уцелело три банки из одиннадцати.

Катапульту успели спрятать за сарай, но Яшку мать все равно поймала, утащила в дом, и оттуда донеслись его завывания.

С тех пор грозная метательная машина стояла без дела. Голубятники узнали, у кого спрятана катапульта, и просили отдать обратно. Обещали, что ни один змей больше не тронут. Но хозяева «конвертов», даже те, кто слышал о катапulte лишь краем уха, отвечали коротко и одинаково:

– Шиш! Она и нам пригодится.

Зачем она может понадобиться, никто не знал.

Но вот пригодилась...

– Ну вас, – ноющим голосом сказал Воробей. – Опять увидит кто-нибудь. Не обрадуемся.

– Зарядим за сараем, – коротко ответил Генка. – Выкатим бегом. Раз – и обратно...

– Ага! Жить надоело? – упирался Яшка. – Заряженную выкатывать, да? Как сорвется да как даст...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.